

ИМЯ НА АФИШЕ:

Николай
ЗАСУХИН

ВЛАСТЬ ТАЛАНТА

В НЕ сцены он не похож на артиста. Небольшого роста, плотный, с высоким лбом, рыжеватыми волосами и какими-то очень теплыми светлыми глазами, он часто бывает неприметен среди окружающих. В его облике, естественном и простом, скорее угадывается человек сложного, но физического труда, нежели творец художественных ценностей.

Так было всегда. Время, слава и популярность мало изменили его, очевидно, потому, что он сам никогда не изменял ни себе, ни искусству, которому служит самозабвенно, истово. Во всяком случае, я без особых усилий вообразил «переноску» народного артиста РСФСР Николая Засухина в первые послевоенные годы, когда он только начинал в Куйбышевском театре имени А. М. Горького, в необычайно плодотворном для себя окружении талантливых мастеров сцены — В. Бурз, В. Михайлова, З. Чекмасовой, Г. Шебуева, В. Кузнецова...

По очень короткому «мостику» годичного пребывания в театральном театре перешел он со сцены самодетальной на профессиональную. Но, став признанным мастером, остался все таким же скромным, вечно неудовлетворенным собой, учеником и учителем одновременно.

Самобытность и особенно «контрасты» Н. Засухина всегда удивляли и продолжают удивлять даже тех, кто его давно и хорошо знает. Трудно привыкнуть к поражающей метаморфозе, когда «неприметность» в жизни, повседневное «состояние покоя», раздумчивой неторопливости, кажущейся инертности сменяется на сцене яркой значительностью, бурным, ураганным темпераментом, подчас

невероятным накалом чувств. Кто видел его Петра Артамонова, Ричарда III и Фому Гордеева, тот, вероятно, испытал на себе всю мощь и власть драматического и трагедийного темперамента артиста. И, конечно, прозвительную остроту почти осязаемой, предельно напряженной эмоциональной мысли его героев.

О творческих работах Засухина написаны серьезные газетные и журнальные статьи, полные восторженных слов и эпитетов. Но едва ли не в единственной — в скромной заметке заводской многоотражки — была подмечена особая черта характера самого артиста: «Кажется, нет на свете человека более спокойного, доброго — и как взрывается он всем своим существом, когда видит пошлость, мешанство, рутину».

Да, это правда. Как правда и то, что сами эти «взрывы» ничего общего с шумными протестами не имеют. Его единственная грибна — сцена. Ради нее не растрчивает, а как бы накапливает он и аккумулирует в себе общественные, гражданские эмоции. Таково уж свойство его человеческой и художественной натуры.

Прошло много лет, а мне до сих пор отчетливо слышится: «Мы пойдем другим путем!», произнесенное Н. Засухиным в роли юного Владимира Ульянова с той мерой убежденности, которая рождается от глубокого понимания истины, напевно принятой как священное замя.

А его Геннадий Лапшин в спектакле «В поисках радости» — поначалу застенчивый, забытый, а потом яростно встающий против отца — халуги и дикаря... Преображенный вспыхнувшей любовью, вдруг увидевший свет и тепло, Засу-

хин — Лапшин увлекал весь зрительный зал на поиски настоящей, открывающейся ему человеческой радости....

А Петр Артамонов — первое в истории советского театра сценическое воплощение сложного многопланового образа горьковского прозы!

Н. Засухин признавался:

— Поначалу мне было неясно, чем может этот угрюмый злобный и незадачливый купец заинтересовать советского зрителя. Вчитываясь в Горького, вдумываясь в особенности психики его героя, я, наконец понял, что все несчастья Петра от того, что он живет, слепо полагаясь на фальшивой, античеловеческой цели обогащения, что это обогащение не освящено никакими идеалами, никакими стремлениями. Мне показалось, что такое толкование образа позволяет вдохнуть в него несомненный познавательный, поучительный смысл.

Если Петр Артамонов блуждал в потемках своей малоподвижной души, запутываясь в паузине противоречивых мыслей и чувств, то Ричард III в исполнении Н. Засухина стал воплощением зла осознанного. Но зло бесплодно. И чем чудовищней оно, тем опустошительней для человека, его творца. Засухин потрясает зрителей тем, как Ричард III неотвратимо и гибельно все глубже «входит в кровь», так и не дотянувшись своими скрюченными пальцами до короны, свалившейся с его головы.

Павел Власов и Фома Гордеев, последние горьковские роли Николая Засухина, — совершенно разные характеры, которых «роднит» тонкий аналитический ум артиста, дающий возможность до конца понять каждое сокровенное движение мысли героев. Павел Власов — сильный, целеустремленный, волевым У Фомы Гордеева — смятенность, мятежное буйство, безрассудная удаля в галочкой нелепой, но прекрасный в своей чистоте протест. Но какие же они «насквозь земные» и возвышенные! Какие истинно русские — в повадках, речах, чувствах — во всем!

И опять тот вулкан гражданских страстей, который скрыто живет в актере, его любовь и его ненависть прорываются в этих образах как бы стихийно, как бы невзначай, но так художественно оправданно, что мы не перестаем поражаться неисчерпаемости и самобытности таланта Николая Засухина. Таланта русского, глубоко, рожденного воспевать красоту и величие Человека.

Владимир МОЛЬКО,
драматург.

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ
г. Москва

№ 7 ЦЕНК 1971